

DOI: 10.19181/population.2022.25.1.10

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СЕЛЬСКАЯ ЗАНЯТОСТЬ И ЕЁ СВЯЗЬ С ВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИЕЙ ГОРОЖАН

Никулина Ю. Н.^{1,2*}, Арефьева В. А.^{1,2}, Сарайкин В. А.^{1,2}

¹Научный центр изучения проблем сельских территорий при
Российском государственном аграрном заочном университете
(143907, Россия, Балашиха, шоссе Энтузиастов, 50)

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20)

*E-mail: julia.nikylna@mail.ru

Финансирование:

Исследование подготовлено в рамках темы НИР «Разработка концепции развития альтернативных видов занятости на сельских территориях и методы/пути привлечения специалистов на сельские территории» Научного центра изучения проблем сельских территорий при Российском государственном аграрном заочном университете.

Для цитирования:

Никулина Ю. Н., Арефьева В. А., Сарайкин В. А. Альтернативная сельская занятость и её связь с возвратной миграцией горожан // Народонаселение. – 2022. – Т. 25. – № 1. – С. 118-128. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.10.

Аннотация. В статье исследуется влияние на сельскую альтернативную занятость двух трендов — развитие процессов дезурбанизации и распространение нетипичных форм работы (дистанционная работа, платформенная занятость, самозанятость, договоры субподряда и т.д.). С точки зрения развития сельской занятости происходящее размывание понятий «места жительства» и «места работы» позволяет создать приток на сельские территории новых занятых с высоким уровнем доходов — горожан, а также существенно расширяет возможности трудоустройства для коренного сельского населения. В работе выдвигается гипотеза о том, что занятость в сельской местности и, шире, развитие сельских территорий будут в том числе определяться обратной миграцией городского населения в село. Причем миграцией как временной или сезонной, так и переездами на длительные сроки или постоянное жительство. Традиционный подход к альтернативной занятости, как к занятости коренного сельского населения, потерявшего работу в сельском хозяйстве, приводит к игнорированию рассмотренных трендов, отсутствию политики стимулирования возвратной миграции в сельскую местность, ограниченности мер господдержки сельского рынка труда. Делается вывод о необходимости расширения понятия сельской занятости до «внегородской занятости», учитывающей новые виды и формы трудоустройства горожан, стремящихся покинуть город с целью повышения качества жизни. Дополнительно ставится вопрос о необходимости исследований повторного коммерческого использования сельхозактивов (преимущественно объектов недвижимости) неаграрными бизнесами в целях содействия переносу бизнеса горожан на сельские территории и диверсификации сельской экономики.

Ключевые слова: сельская занятость, альтернативная занятость, возвратная миграция, нестандартные формы занятости, дистанционная работа, развитие сельских территорий.

© Никулина Ю. Н., Арефьева В. А., Сарайкин В. А., 2022.

Введение

Развитию альтернативной сельской занятости, на фоне сокращения занятости в аграрном секторе, уделяется всё больше внимания как исследователями, так и органами управления аграрно-промышленного комплекса (АПК), включая альтернативные сельскому хозяйству виды деятельности населения — сельский туризм, промыслы, отрасли «биоэкономики» (лесное хозяйство, заготовка и переработка дикоросов, малая энергетика), переработка сельхозпродукции, добыча нерудных строительных материалов и т.д. Однако термин «альтернативная занятость» в некотором смысле устарел, так как предполагает поиск занятости для коренных сельских жителей, потерявших работу в сельском хозяйстве. Необходимо расширение понятия альтернативной занятости до так называемой внегородской занятости, учитывающей новые виды и формы занятости для горожан, намеренных покинуть город с целью повышения качества жизни.

Термин «внегородская занятость» по аналогии с «внегородской территорией/пространством» уже используется в работах социологов, географов [1; 2]. Деление на «городскую и внегородскую» занятость и/или территорию в отличие от традиционного для аграрной экономики деления на «городское и сельское» связано с новой оптикой рассмотрения практик освоения пространства. В частности, процесса дезурбанизации, который включает в себя субурбанизацию (строительство коттеджных и дачных поселков вокруг городов), дальние поселения горожан в экологически чистых ареалах и так далее. Аграрные экономисты также начинают рассматривать в качестве характеристики устойчивого развития деревень в России тот факт, что их демографический состав будет состоять, в том числе, из городских жителей [3].

Сельские территории и сельская занятость будут развиваться не только теми, кто там остался, но и горожанами, которые приедут туда пусть даже на временной или

сезонной основе. По аналогии с тем, как это на практике случилось с Подмосковьем. Ставка на «реколонизацию» сельской местности городскими жителями связана и с тем, что на селе остались люди со сниженной социальной активностью, часто из старших возрастных групп, тех, кто не смог уехать по тем или иным причинам. Но и «новым», и «старым» сельским жителям нужна минимальная инфраструктура — дороги и Интернет: учиться, лечиться и культурно просвещаться можно и удаленно, на новой технологической основе. Одновременно развитие дистанционных форматов работы, платформенной занятости позволяет значительной части занятых уйти от жесткой привязки к «месту работы», что наглядно продемонстрировала пандемия.

Приход в российский АПК в начале 2000-х гг. внешних для отрасли инвесторов в значительной степени способствовал росту инвестиций, технологической модернизации, повышению качества менеджмента. Аналогично городские жители, мигрирующие в сельскую местность, становятся для этих территорий таким внешним инвестором, способным привнести новые ресурсы, повысить локальный спрос на товары и услуги, взять на себя часть организационных функций и так далее. Миграцию части горожан в сельскую местность поддерживает и мировой тренд переноса транснациональными компаниями штаб-квартир в малые города и села. Часть крупных компаний перестанут содержать штаб-квартиры в Москве из-за высоких издержек. Их переезд, в свою очередь, даст импульс к развитию сервисного сектора сельской экономики — кафе, авторемонтные мастерские, парикмахерские и так далее.

Потенциал «новых» видов альтернативной сельской занятости рассмотрен через призму реализации в России следующих двух тенденций: 1) развитие феномена «распределенного образа жизни» и процессов дезурбанизации; 2) распространение нетипичных форм работы и нетипичных рабочих мест.

Развитие феномена «распределенного образа жизни» и процессов дезурбанизации

Урбанизация в России – по-прежнему доминирующий тренд. В 2019 г. 23% населения России проживало в городах-миллионниках. Однако у части горожан уже есть идея и финансовые возможности переехать в сельскую местность без потери качества жизни¹. В 2015–2019 гг. на постоянное жительство в сельскую местность переезжали около 850 тыс. горожан ежегодно² и это почти в 2 раза больше относительно уровня начала нулевых³. То есть параллельно с процессом урбанизации развивается и процесс дезурбанизации (контрурбанизации), который различается по степени активности в зависимости от групп населения и территорий. Дезурбанизацию отличает привлекательность малых городских и сельских поселений для части населения по ряду причин: рекреационным, экологическим, экономическим (инвестиционными), демографическим, эпидемиологическим.

У жизни в городе было несколько главных преимуществ: разнообразная и доходная работа, хорошее образование для детей, относительно высокий уровень медицины и доступ к культурной инфраструктуре. С приходом инноваций (онлайн-технологии, телемедицина, электронные школы, электронная коммерция) возможно осуществление желания многих горожан – жить на селе посредством заработка в мегаполисах. Условиями для этого

являются возможность переехать и наличие удаленной работы. Миграция в сельскую местность характерна для среднего класса, что в свою очередь приводит к притоку инвестиций в сельскую инфраструктуру и благоустройство, трансляции городских стандартов качества жизни. Относительно высокий уровень зарплат новой группы сельских жителей (переехавших горожан) создает предпосылки развития сельской занятости в сфере предоставления им услуг, которая сама по себе становится одним из видов альтернативной занятости.

Процесс миграции населения в сельскую местность в России характеризуется сложностью и своеобразием форм. К нему может быть отнесено как разрастание пригородов, так и миграция в сельскую местность с полным или частичным изменением образа жизни. Численность дач и наследных (или покупных) сельских домов в России составляет по оценкам экспертов 17–20 млн, а количество «дачников» – 50–60 млн человек [1]. Это половина и более городских семей в России. Жизнь на два (или более) дома становится нормой. Сформировавшийся в России феномен «распределенного образа жизни»⁴ и размывание понятия «места жительства» являются значимым источником социально-экономического развития сельских территорий [5, 6]. Дополнительно процесс миграции из города в деревню в России поддерживаете Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», в частности, льготная сельская ипотека, которая является самым востребованным мероприятием этой программы по итогам 2020–2021 годов.

Кроме того, пандемия COVID-19 оказала влияние на процессы дезурбанизации. Во время пандемии люди, живущие в мегаполисах, оказались в числе наиболее пострадавших. В результате последствий

¹ По данным опросов, проведенных в середине 2010-х гг., 20% жителей городов рассматривали переезд из города в сельскую местность как возможную перспективу для своей семьи и 3% горожан активно занимались переездом в село на постоянное место жительства в момент опроса [4].

² Речь не идёт о том, что население сельской местности увеличивалось на эту величину, так как сальдо миграции в сельскую местность оставалось отрицательным до 2018 г. включительно – на уровне 40–70 тыс. человек в год. Однако в 2019 г. положительный миграционный прирост сельского населения составил около 10 тыс. человек. Насколько устойчивым он окажется, будет зависеть от предпочтений населения по месту жительства в связи с пандемией COVID-19 и других факторов.

³ Росстат, Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации» [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 09.06.2021).

⁴ Термин введен Кордонским С.Г. в начале 2000-х гг. и описывает людей, жизнь которых распределена между несколькими домами, квартирами, земельными участками. При этом доминирует многопоколенческий тип семьи, распределенной по разным домам/дачам, но связанной в целом распределенным образом жизни.

пандемии COVID-19 сформировались два тренда. Первый — краткосрочный, это миграция людей из мегаполисов в малые города и сельскую местность на фоне потери работы и/или в поисках более безопасной среды на период пандемии. Второй средне- и долгосрочный тренд — миграция состоятельных людей и людей из среднего класса в сельскую местность на постоянной основе. Например, по разным данным из Москвы выехало около 5 млн человек⁵ [7]. Значительные масштабы центростремительной миграции подтверждают данные операторов сотовой связи, дорожных служб, агентств бронирования билетов и недвижимости, космические снимки и др.⁶ Из 5 млн человек покинувших Москву в пандемию около трех миллионов — это те, кто поехали обратно по месту жительства в связи с потерей работы. Порядка двух миллионов уехали на дачи. Из них примерно половина — это те, кто дачи арендовали. В этом смысле около 1 млн москвичей в результате пандемии тестировали загородный образ жизни. Не все они примут решение о переезде в сельскую местность, тем не менее, дезурбанизация — это процесс продолжительный и интерактив-

⁵ Деурбанизация: как изменится Москва после карантина // Forbes: [сайт]. — URL: <https://www.forbes.ru/biznes/400157-deurbanizaciya-kak-izmenitsya-moskva-posle-karantina> (дата обращения: 17.06.2021).

⁶ В частности, по данным «МТС», только в период с 25 марта по 8 апреля 2020 г. столицу покинуло более 15% абонентов, причем 79% из них уехали в Московскую область, а 21% направились в другие регионы [8]. По данным агрегатора «Авито», число желающих арендовать загородную недвижимость в апреле 2020 г. выросло (в зависимости от типа недвижимости) в диапазоне от 21 до 213% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [8]. По данным «ЦИАН», число просмотров объявлений об аренде загородного жилья в Подмоскowie по итогам марта 2020 г. выросло в 2,7 раза относительно аналогичного периода прошлого года: [сайт]. — URL: <https://www.cian.ru/stati-chudesna-na-virazhah-kak-izoljatsija-otrazilas-na-stolichnom-rynke-304545/>. Также к началу апреля операторы по вывозу мусора заявили о резком увеличении объемов собираемого мусора в Подмоскowie, особенно в некоммерческих садоводческих товариществах — на 163% [7]. В сельской местности наблюдался взрывной рост спроса на мобильный интернет. Пример Тамбовской области: в 2020 г. в ряде районов области средние объемы потребления мобильного трафика у сельчан в 2 и даже 3 раза выше, чем у горожан (данные МТС). — URL: <https://www.tambov.gov.ru/news/archive/v-tambovskih-selahnablyudaetsya-vzryvnoj-spros-na-mobilnyj-internet.html> (дата обращения: 23.06.2021).

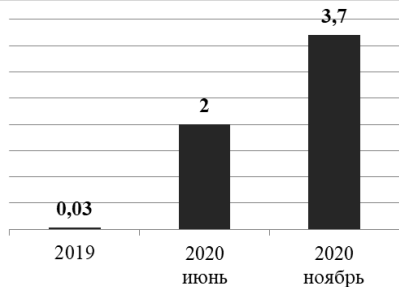
ный во времени, который с окончанием пандемии COVID-19 имеет шансы приобрести большую интенсивность.

Идеи о том, что часть населения предпочтет городу проживание в сельской местности, не являются идеалистическими и подтверждаются опытом экономически развитых стран. Так, исследования показали, что с ростом уровня экономического развития сельские районы приближаются или превосходят городские по уровню удовлетворенности жизнью населения [9]. Подтверждения того, что в развитых странах, в отличие от развивающихся, удовлетворенность жизнью выше у сельских жителей, получены в многочисленных эмпирических региональных исследованиях [10], что привело к возникновению феномена «городского парадокса» (the urban paradox). Это ситуация, когда города по-прежнему остаются движущей силой экономики развитых стран, считаются привлекательным местом для жизни, но уровень удовлетворенности жизнью в них снижается до такой степени, что средний ее уровень в сельской местности и малых городах приближается и даже превышает городской. Возникновение «городского парадокса» связано с развитием экономики, технологий, транспортной и цифровой инфраструктуры сельских районов, с одной стороны, и ростом негативных экстерналий городской жизни — с другой. Последнее глобальное исследование уровня удовлетворенности жизнью населения в разрезе «город-село», показало, что в группу стран, в которых оценка качества жизни сельским населением значительно выше, чем городским, вошли страны Северной Америки, Австралия и Новая Зеландия [10]. Для стран Северной и Западной Европы статистически значимой разницы не выявлено.

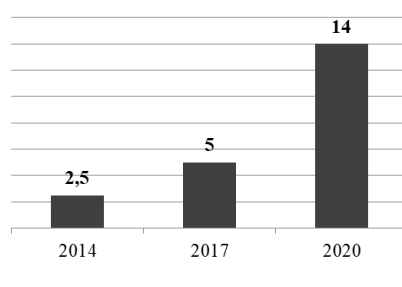
Распространение нетипичных форм работы и рабочих мест

Параллельно с размыванием понятия «места жительства» меняется и понятие «места работы». Нетипичные формы ра-

Удаленные сотрудники в штате компаний

Фрилансеры

Рис. 1. Численность работающих дистанционно в России, млн человек

Fig. 1. The number of people working remotely in Russia, million people

Источники: данные Минтруда РФ: [сайт]. – URL: <https://iz.ru/1091278/maksim-khodykin/doma-rabotniki-chislo-rossiian-na-udalenne-vyroslo-za-god-v-110-raz>; PwC: [сайт]. – URL: https://www.pwc.ru/publications/freelance-platform/pwc_freelance_market_research_final.pdf (дата обращения: 17.06.2021).

боты и нетипичные рабочие места — дистанционная работа, платформенная занятость⁷, самозанятость, договоры субподряда, виртуальные группы для выполнения работ и так далее — становятся нормой. С точки зрения сельской занятости, роста уровня доходов сельских занятых, возможностей для миграции горожан в сельскую местность перспективными являются форматы работы, позволяющие разобщить место нахождения работодателя и работника — это, прежде всего, дистанционная (удаленная) работа⁸ и фриланс (работа на проектной основе через договор гражданско-правового характера, в том числе самозанятые, ИП и другие формы).

Структура востребованных профессий для удаленной занятости в штате компаний и фриланса несколько различается, но

⁷ Получение дохода через предложение труда на цифровых платформах (Uber, YouDo, Profi.ru и других).

⁸ Дистанционная (удаленная) работа — выполнение определенной трудовой функцией а) вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения, б) вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (Трудовой Кодекс РФ, ст. 312.1). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/adca37e8038a44ab5499c589bf6205dce6af12d6/ (дата обращения: 15.11.2021).

основные группы — это IT-специальности, маркетинг и продажи, дизайн и мультимедиа, копирайтинг и переводы⁹. IT-специалисты — в лидерах дистанционных профессий, но число работ, которые переводятся в удаленный формат, растёт. Если в 2014 году 69% рабочих мест, размещенных на глобальной бирже удаленной работы WWR, были связаны с IT, то в 2019 году эта доля сократилась до 47% за счет роста представительства других профессий¹⁰. По данным опроса HeadHunter в 2019 г. среди работающих соискателей 31% работал удаленно, из них 14% — фрилансеры и 17% — удаленные сотрудники в штате компаний¹¹. При этом Москва и Санкт-Петербург не были регионами-лидерами по доле соискателей, работающих удаленно, т.е. этот тренд захватывает не только крупные мегаполисы. На конец 2020 г. удаленно в России работало 3,7 млн человек, численность фрилан-

⁹ По результатам опросов HeadHunter, J'son & Partners Consulting (по заказу «Битрикс 24»), данным бирж удаленной работы We Work Remotely (WWR) и «Мой Круг», а также данным исследовательских проектов: «Перепись фрилансеров». — URL: <https://www.hse.ru/org/projects/275856215>; «Исследование заказчиков услуг фрилансеров 2020». — URL: https://freelance.hb.bizmrg.com/freelance_customer_research_2020.pdf (дата обращения: 23.07.2021).

¹⁰ The Future of Remote Work // WWR: [сайт]. — URL: <https://nira.com/future-of-remote-work/> (дата обращения: 17.06.2021).

¹¹ Сколько у нас фрилансеров и где они работают: результаты опроса // HeadHunter: [сайт]. — URL: <https://spb.hh.ru/article/24036> (дата обращения: 17.06.2021).

серов оценивалась в 14 млн человек (рис. 1), что совокупно составляло 25% от численности занятых.

Безусловно, росту в 2020 г. численности занятых дистанционно, особенно переводу на «удалёнку» штатных сотрудников компаний, способствовала пандемия COVID-19, когда ускоренно был апробирован опыт масштабной удаленной работы. Отработка и привыкание к такому формату работы произошли как со стороны работодателей, так и работников. Важным практическим результатом стало официальное закрепление дистанционного формата работы в Трудовом кодексе РФ. В любом случае общий тренд на рост дистанционной занятости начался еще до пандемии и сохранится в долгосрочной перспективе. Развитие практик дистанционной работы¹² создает возможности как для переезда в сельскую местность части городского населения с подходящей занятостью, так и возможности трудоустройства для сельских жителей без привязки компании-работодателя к месту жительства.

Очевидно, что дистанционная занятость — это не панацея для сельских территорий. Однако ряд регионов уже сейчас обладают подобным потенциалом развития сначала пригородных районов, а затем и более удаленных сельских. Так, например, по доле специалистов в сфере информационно-коммуникационных технологий в общем числе работников (без совместителей) лидируют крупнейшие научно-технологические и образовательные центры — более 3% в Москве, Санкт-Петербурге, Томской и Новосибирской областях [11]. Среднероссийская доля таких специалистов в 2020 г. выросла до 2,72% с 2,54% в 2019 году.

¹² Отметим, что нестандартные формы занятости наравне с возможностями (гибкость трудовых отношений, работа в любом месте и в любое время, что удобно для работника и работодателя) связаны и с рисками для работника: ограничениями или утратой части трудовых и социальных прав (оплачиваемого отпуска, больничного и других). Изучение вопросов прекаризации труда при нестандартных формах занятости составляет отдельное направление исследований рынка труда. Решения по снижению данных рисков лежат в сфере регулирования трудовых отношений, социальной политики, всё большей институционализации нестандартных форм занятости.

Данных о том, сколько сельских жителей в общем числе работающих дистанционно или на фрилансе, нет. Официальная статистика не даёт данных и в разрезе востребованных для удаленной занятости видов деятельности. По данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS)» доля сельских занятых в некоторых перспективных для удаленной занятости отраслях (по основному месту работы) составляла: 1) в IT, информационных технологиях — 0,2% от численности занятых в 2019 г. или 30 тыс. человек. Не так много, но позитивным трендом является удвоение доли и численности занятых в этом секторе относительно уровня 2014 г.; 2) СМИ, издательство, печать, телекоммуникации — 0,1% или 15 тыс. человек, без выраженной динамики за 2014–2019 годы. Для оценки численности горожан, которым дистанционная занятость может позволить переехать в сельскую местность, интерес представляют данные, полученные в ходе опросов пользователей платформы «Мой круг» (3 тыс. респондентов, 2017 г.) об изменении места жительства в связи с дистанционной работой. Так, 6% респондентов ответили, что переехали в более маленький город, пригород или деревню. Если перенести эту цифру на число занятых дистанционно в 2020 г., то потенциально, численность переехавших в сельскую местность на «удалёнку», может составить до 1 млн человек.

Занятость горожан, переехавших в сельскую местность, определяется не только удаленными форматами работы. Речь идет и о переносе действующих бизнесов на сельскую территорию. В первую очередь, это актуально для пригородных зон, которые в определенной степени трансформируются в функционально урбанизированные сельские территории. С точки зрения диверсификации сельской экономики интерес представляет повторное использование сельхозактивов (преимущественно объектов недвижимости) неаграрными бизнесами. В этом случае сельхозактивы являются точками при-

тяжения (farms as attractors). «Фермы как точки притяжения» описывают ситуацию, когда возможности для несельскохозяйственной экономической деятельности на сельскохозяйственных землях или в зданиях фермы являются (частично или полностью) причиной, по которой фермерская собственность была приобретена. Работы, посвященные повторному коммерческому использованию сельхознедвижимости, выполнены в основном на Европейских данных [12; 13]. Фермерская недвижимость в пригородных районах использовалась для размещения небольших мастерских, ремесел, консалтинговых, транспортных, деревообрабатывающих или торговых компании, строительных подрядчиков, озеленителей и подобного. Исследования показывают, что общее количество рабочих мест, созданных в результате диверсификации бизнеса на базе объектов сельхознедвижимости, превышает занятость в традиционном фермерском хозяйстве.

Заключение

Диверсификация сельской экономики и развитие её неаграрного сектора связаны с процессами миграции из городов и распространения городской деятельности в сельскую местность. С точки зрения сельской занятости контрурбанизация и распространение нестандартных форм занятости упрощает процесс миграции и создает приток «новых» занятых для сельских территорий, а также формирует дополнительные сферы приложения труда для коренного сельского населения. От-

носительно новые для сельской местности сферы и формы трудоустройства — это занятость преимущественно в сервисной экономике, основанная на форматах удаленной (дистанционной) работы или фриланса в сфере IT-технологий, маркетинга, дизайна, поддержки клиентов и так далее.

Следствием узкого рассмотрения альтернативной занятости, как занятости коренного сельского населения, потерявшего работу в сельском хозяйстве, является отсутствие политики стимулирования возвратной миграции в сельскую местность, разработка и реализация мер, ориентированных преимущественно на уже проживающих в селе, а не тех, кто приедет. При этом потенциал развития «новых» видов занятости, основанных на удаленных форматах работы, на сельских территориях не может быть реализован без доступа к высокоскоростному Интернету, инвестиций сельских домохозяйств и государства в сельское образование.

Актуализация понятия альтернативной сельской занятости с учетом новых видов и форм занятости, в том числе для мигрирующих горожан, позволит, с одной стороны, расширить область тематических исследований, с другой — скорректировать фокус господдержки сельской занятости и сельского развития в целом. Кроме того, термин «внегородская занятость» не имеет негативной коннотации, что может быть важно для продвижения и популяризации идеи привлекательности жизни на селе, формированию нового имиджа сельской территории как места для работы, отвечающего современным требованиям к качеству жизни.

Литература и Интернет-источники

1. **Нефедова, Т. Г.** Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности / Т. Г. Нефедова, Н. Е. Покровский, А. И. Трейвиш // Социологические исследования. — 2015. — № 12. — С. 60–69.
2. **Покровский, Н. Е.** Феноменология «жизненного мира» горожанина во внегородском пространстве Ближнего Севера: дом и domestикация / Н. Е. Покровский, У. Г. Николаева, Ю. А. Демидова // Социологические исследования. — 2019. — № 12. — С. 70–80. DOI: 10.31857/S013216250007752-0.
3. **Wegren, S. K.** The quest for rural sustainability in Russia / S. K. Wegren // Sustainability. — 2016. — Vol. 8. — No. 7. — P. 602.
4. **Войнилов, Ю. Л.** Из города в село: потенциал переселения горожан в сельскую местность / Ю. Л. Войнилов, Д. В. Мальцева // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (Москва, 19–22 апреля 2016 г.): в 4 кн. / ред. Е. Г. Ясин. Кн. 4. — Москва : НИУ ВШЭ, 2017. — С. 133–145.
5. **Моляренко, О. А.** Распределенный образ жизни и контрурбанизационные процессы как факторы развития сельских и городских поселений / О. А. Моляренко // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2013. — № 1. — С. 48–71.
6. **Аверкиева, К. В.** Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / К. В. Аверкиева, Е. В. Антонов, П. Л. Кириллов [и др.]. — Москва : Новый хронограф. — 2016. — 504 с.
7. **Nikolaeva, U. G.** Self-isolation at the dacha: Can't? Can? Have to? / U. G. Nikolaeva, A. V Rusanov // Population and Economics. — 2020. — No. 4(2). — P. 182–198. DOI: 10.3897/popcon.4.e54577.
8. **Покровский, Н. Е.** Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации / Н. Е. Покровский, А. Ю. Макшанчикова, Е. А. Никишин // Социологические исследования. — 2020. — № 12. — С. 54–64. DOI: 10.31857/S013216250010726-1.
9. **Easterlin, R. A.** The impact of modern economic growth on urban–rural differences in subjective well-being / R. A. Easterlin, L. Angelescu, J. S. Zweig // World development. — 2011. — Vol. 39. — No. 12. — P. 2187–2198.
10. **Burger, M. J.** Urban-rural happiness differentials across the world / M. J. Burger, P. S. Morrison, M. Hendriks, M. M. Hoogerbrugge // World Happiness Report. — 2020. — P. 66–93.
11. **Земцов, С. П.** Факторы адаптации регионов России к цифровой трансформации экономики / С. П. Земцов // Доклады на XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 13–23 апреля 2021 г.). — Москва : НИУ ВШЭ, 2017.
12. **Præstholm, S.** Farmers as initiators and farms as attractors for non-agricultural economic activities in peri-urban areas in Denmark / S. Præstholm, S. P. Kristensen // Geografisk Tidsskrift-Danish Journal of Geography. — 2007. — Vol. 107. — No. 2. — P. 13–27.
13. **Verhoeve, A.** How to visualise the invisible: Revealing re-use of rural buildings by non-agricultural entrepreneurs in the region of Roeselare-Tielt (Belgium) / A. Verhoeve, N. De Roo, E. Rogge // Land Use Policy. — 2012. — Vol. 29. — No. 2. — P. 407–416.

Информация об авторах:

Никулина Юлия Николаевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник Научного центра изучения проблем сельских территорий при Российском государственном аграрном заочном университете, Балашиха, Россия; научный сотрудник Института аграрных исследований, Высшая школа экономики, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: julia.nikylna@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3348-3259; Scopus Author ID: 56819050900; PИНЦ Author ID: 396615.

Арефьева Валерия Александровна, к.с.х.н., ведущий научный сотрудник Научного центра изучения проблем сельских территорий при Российском государственном аграрном заочном университете, Балашиха, Россия; научный сотрудник Института аграрных исследований, Высшая школа экономики, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: varefeva@hse.ru; Researcher ID Web of Science: AAD-5840-2022; РИНЦ Author ID: 261952.

Сарайкин Валерий Александрович, д.э.н., главный научный сотрудник Научного центра изучения проблем сельских территорий при Российском государственном аграрном заочном университете, Балашиха, Россия; научный сотрудник Института аграрных исследований, Высшая школа экономики, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vsaraykin@hse.ru; ORCID: 0000-0003-0842-242X; Researcher ID Web of Science: C-7537-2019; Scopus Author ID: 56298335800; РИНЦ Author ID: 429766.

DOI: 10.19181/population.2022.25.1.10

NON-AGRICULTURAL RURAL EMPLOYMENT AND URBAN-RURAL MIGRATION: IS THERE A CONNECTION?

Yulia N. Nikulina^{1,2*}, Valeria A. Arefieva^{1,2}, Valery A. Saraikin^{1,2}

¹Scientific Center for the Study of Rural Area Problems at the Russian State Agrarian Correspondence University (50 Shosse Entuziastov, Balashikha, Russian Federation, 143907)

²National Research University Higher School of Economics
(20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation, 101000)

*E-mail: julia.nikyline@mail.ru

Funding:

The article was written within the framework of the research project «Development of non-agricultural rural employment concept and methods/ways to attract specialists to rural areas» carried out by the Scientific Center for the Study of Rural Area Problems at the Russian State Agrarian Correspondence University.

For citation:

Nikulina Yu. N., Arefieva V. A., Saraikin V. A. Non-agricultural rural employment and urban-rural migration: is there a connection? *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 128-128. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.10. (in Russ.)

Abstract. *The article examines the impact on rural non-agricultural employment of two trends — development of return migration to rural areas and the spread of nonstandard forms of work and jobs (distance work, platform employment, self-employment, subcontracting, etc.). In terms of rural employment development, the ongoing blurring of the concepts of “place of residence” and “place of work” creates an influx of “new” high-income urban workers in rural areas, and also significantly expands employment opportunities for the indigenous rural population. The paper hypothesizes that employment in rural areas and, more generally, the development of rural areas will be determined, among other things, by the urban-rural migration, with temporary or seasonal migration, as well as moving for long periods of time or for permanent residence. The traditional view of non-agricultural employment as employment of the indigenous rural population who have lost their jobs in agriculture leads to ignoring of these trends, lack of policies to encourage return migration to rural areas, and limited measures of state support for rural labor market. There is made a conclusion about the need to expand the concept of rural employment to «out-of-town employment», which takes into account new opportunities and forms of employment, including for city dwellers seeking to leave the city in*

order to improve their quality of life. Additionally, the issue is raised about the need for research on the commercial re-use of agricultural assets — mainly real estate — by non-agrarian businesses in order to facilitate the transfer of urban businesses to rural area and the diversification of the rural economy.

Keywords: rural employment, non-agricultural employment, return migration, nonstandard forms of employment, distance work, rural development.

References and Internet sources

1. Nefedova T. G., Pokrovsky N. E., Treivish A. I. Urbanizatsiya, dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskiyе soobshchestva v usloviyakh rosta gorizontally mobil'nosti [Urbanization, desurbanization and rural-urban communities in the face of growing horizontal mobility]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2015. No. 12. P. 60–69. (in Russ.)
2. Pokrovsky N. E., Nikolaeva U. G., Demidova Yu. A. Fenomenologiya «zhiznennogo mira» gorozhanina vo vnegorodskom prostranstve Blizhnego Severa: dom i domestikatsiya [Phenomenology of the «lifeworld» of urbanites in the extra urban space in the Near North: house and domestication]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2019. No. 12. P. 70–80. DOI: 10.31857/S013216250007752-0. (in Russ.)
3. Wegren S. K. The quest for rural sustainability in Russia. *Sustainability*. 2016. Vol. 8. No. 7. P. 602.
4. Voinilov Yu. L., Mal'tseva D. V. Iz goroda v selo: potentsial pereseleniya gorozhan v sel'skuyu mestnost' [From the city to the countryside: the potential of urban to rural resettlement]. XVII Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ehkonomiki i obshchestva. Kniga 4. [XVII April International Scientific Conference on Economic and Social Development. Book 4. Moscow. April 19–22. 2016]. Moscow. Higher School of Economics. 2017. P. 133–145. (in Russ.)
5. Molyarenko O. A. Raspredelonnyyi obraz zhizni i kontrurbanizatsionnyye protsessy kak faktory razvitiya sel'skikh i gorodskikh poseleniy [A distributed way of life and counter-urbanization processes as development factors of rural and urban settlements]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues]*. 2013. No. 1. P. 48–71. (in Russ.)
6. Averkieva K. V., Antonov E. V., Kirillov P. L., Makhrova A. G., Medvedev A. A., Neretin A. S., Nefedova T. G., Treivish A. I. Mezhdum domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii [Between Home and... Home. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. Moscow. Novyy khronograf [New Chronograph]. 2016. 504 p. (in Russ.)
7. Nikolaeva U. G., Rusanov A. V. Self-isolation at the dacha: Can't? Can? Have to? *Population and Economics*. 2020. No. 4(2). P. 182–198. DOI: 10.3897/popecon.4.e54577.
8. Pokrovsky N. E., Makshanchikova A. Yu., Nikishin E. A. Obratnaya migratsiya v usloviyakh pandemicheskogo krizisa: vnegorodskiyе prostranstva Rossii kak resurs adaptatsii [Reverse migration in the pandemic crisis: Russia's out-of-town spaces as an adaptation resource]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2020. No. 12. P. 54–64. DOI: 10.31857/S013216250010726-1. (in Russ.)
9. Easterlin R. A., Angelescu L., Zweig J. S. The impact of modern economic growth on urban–rural differences in subjective well-being. *World Development*. 2011. Vol. 39. No. 12. P. 2187–2198.
10. Burger M. J., Morrison P. S., Hendriks M., Hoogerbrugge M. M. Urban-rural happiness differentials across the world. *World Happiness Report*. 2020. P. 66–93.
11. Zemtsov S. P. Faktory adaptatsii regionov Rossii k tsifrovoy transformatsii ehkonomiki [Factors of Russian regions' adaptation to the digital transformation of economy]. XXII Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ehkonomiki i obshchestva [XXII April International Scientific Conference on Economic and Social Development. Moscow. April 13–23. 2021]. Moscow. Higher School of Economics. 2021. (in Russ.)

12. Præstholt S., Kristensen S.P. Farmers as initiators and farms as attractors for non-agricultural economic activities in peri-urban areas in Denmark. *Geografisk Tidsskrift-Danish Journal of Geography*. 2007. Vol. 107. No 2. P. 13–27.
13. Verhoeve A., De Roo N., Rogge E. How to visualise the invisible: Revealing re-use of rural buildings by non-agricultural entrepreneurs in the region of Roeselare–Tielt (Belgium). *Land Use Policy*. 2012. Vol. 29. No 2. P. 407–416.

Information about the authors:

Nikulina Yulia Nikolaevna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Scientific Center for the Study of Rural area Problems at the Russian State Agrarian Correspondence University, Balashikha, Russian Federation; Researcher, Institute for Agrarian Studies, Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: julia.nikylna@mail.ru; ORCID: 0000–0003–3348–3259; Scopus Author ID: 56819050900; Elibrary Author ID: 396615.

Arefieva Valeria Aleksandrovna, Candidate of Agricultural Science, Leading Researcher, Scientific Center for the Study of Rural area Problems, Russian State Agrarian Correspondence University, Balashikha, Russian Federation; Researcher, Institute for Agrarian Studies, Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: varefeva@hse.ru; Researcher ID Web of Science: AAD-5840–2022; Elibrary Author ID: 261952.

Saraikin Valery Aleksandrovich, Doctor of Economics, Leading Researcher, Scientific Center for the Study of Rural area Problems, Russian State Agrarian Correspondence University, Balashikha, Russian Federation; Researcher, Institute for Agrarian Studies, Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: vsaraykin@hse.ru; ORCID: 0000–0003–0842–242X; Researcher ID Web of Science: C-7537–2019; Scopus Author ID: 56298335800; Elibrary Author ID: 429766.

Статья поступила в редакцию 03.12.2021, одобрена 28.02.2022, опубликована 30.03.2022.